

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.38>

Алтай Бейза

ПРОИЗВОДНЫЕ СУБСТАНТИВЫ НА -ЕЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. И. ГЕРЦЕНА "БЫЛОЕ И ДУМЫ": СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются структура и функционирование существительных с суффиксом -ец в произведении А. И. Герцена "Былое и думы". Анализ семантики и контекстуальных особенностей функционирования существительных на -ец проведен на базе Национального корпуса русского языка. Установлено, что среди них наиболее частотны этнонимы, катойконимы и наименования лиц по принадлежности к общественно-политическим или религиозным группам. При этом А. И. Герцен использует как новые для своего времени слова и окказионализмы, так и устаревшие с точки зрения современного узуса. Зафиксированы и случаи метафорического употребления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 190-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 24.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.38>

В статье рассматриваются структура и функционирование существительных с суффиксом -ец в произведении А. И. Герцена «Былое и думы». Анализ семантики и контекстуальных особенностей функционирования существительных на -ец проведен на базе Национального корпуса русского языка. Установлено, что среди них наиболее частотны этнонимы, катойконимы и наименования лиц по принадлежности к общественно-политическим или религиозным группам. При этом А. И. Герцен использует как новые для своего времени слова и окказионализмы, так и устаревшие с точки зрения современного узуса. Зафиксированы и случаи метафорического употребления.

Ключевые слова и фразы: А. И. Герцен; «Былое и думы»; суффиксальные существительные; структура; семантика; узус; функционирование.

Алтай Бейза

Казанский (Приволжский) федеральный университет
komohti_paci@hotmail.com

ПРОИЗВОДНЫЕ СУБСТАНТИВЫ НА -ЕЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. И. ГЕРЦЕНА «БЫЛОЕ И ДУМЫ»: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Статья представляет результаты очередного этапа исследования, посвященного анализу производных суффиксальных субстантивов в мемуарной публицистике и художественной прозе А. И. Герцена.

Наследие выдающегося русского мыслителя, философа и публициста XIX века продолжает оставаться в центре внимания специалистов по истории [6], философии [7], культурологии [8], педагогике [2] и литературоведению [3; 5; 13; 17], но пока недостаточно широко изучено в лингвистике. В последние годы творчество Герцена исследовалось с дискурсивно-концептуальных [16] (и другие работы того же автора) позиций, посредством контент-анализа [12], а также с точки зрения коммуникативных тактик [14]. Однако до сих пор в научной литературе отсутствует детальный анализ словообразовательного уровня в языке Герцена с позиций исторической стилистики, что определяет **новизну** нашего исследования.

Подходу, отраженному в данной статье, наиболее близка статья Н. А. Николиной, где дан обзор словообразовательных форм, употребляемых писателем, и их функций [10]. Однако наше исследование сосредоточено на более детальном историко-стилистическом описании структуры и функций производных субстантивов. Беллетристика и публицистика А. И. Герцена отражает важный этап развития русского литературного языка, активного пополнения общественного политического словаря, в том числе и за счет производной лексики [1], что определяет **актуальность** нашего исследования в контексте истории русского литературного языка.

В данной статье в качестве объекта исследования представлены существительные со значением лица, оформленным с помощью суффикса -ец. Поставлена **цель** проанализировать семантические и функциональные параметры этих субстантивов в произведении А. И. Герцена «Былое и думы». Данная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) охарактеризовать семантическую специфику производных с указанным суффиксом; 2) выявить окказиональные образования, употребляемые Герценом; 3) выявить устаревшие образования.

Выбор произведения определен его весомым статусом в творчестве Герцена в частности и в истории русской литературы в целом, а также его значительным объемом, позволяющим составить обоснованное мнение о тенденциях авторского словоупотребления. Для анализа языкового материала нами сделана выборка лексических единиц из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [9] путем создания пользовательского подкорпуса. В рамках подкорпуса был создан поисковый запрос *ец (астериск играет в запросе роль «маски», позволяющей составить выборку, в которой будут фигурировать контексты со всеми существительными с данным суффиксом), а также введены дополнительные параметры: грамматические признаки «существительное», «мужской род», «одушевленное» и семантический признак «этнонимы».

Обширные корпусные данные позволили рассмотреть употребление производных существительных не только в произведении А. И. Герцена, но и в контексте развития узуса русского литературного языка. Ниже цитаты из НКРЯ сопровождаются ссылками на источник в квадратных скобках.

С точки зрения структуры производных имен существительных важно отметить следующее. В мемуарно-публицистическом произведении А. И. Герцена «Былое и думы» представлено большое число заимствованных катойконимов и этнонимов, образованных от именных основ: *женевец* (< *Женева*), *генуэзец* (< *Генуя*), *флорентинец* (< *Флоренция*), *венецианец* (< *Венеция*), *неаполитанец* (< *Неаполь*), *шательец* (< *Шатель*), *баденец* (< *Баден*), *тосканец* (< *Тоскана*), *богемец* (< *Богемия*), *итальянец* (< *Италия*) и т.п. Это обусловлено характером повествования, которое описывает европейские реалии, например: *Итальянцы всех стран, французы... баденские ошаченцы, вступившие в Женеву правильным строем... богемцы... – все это толпилось между отель де Берг и почтовым кафе* (А. И. Герцен. *Былое и думы*. 1862-1866. Часть пятая. Париж-Италия-Париж.) [Там же].

В ряде случаев наблюдается несовпадение основ производящего и производного слов, что объясняется присутствием в производных словах элементов, характерных для именных основ в языке-источнике: так, *генуэзец* структурно связано с итал. *genovese* 'генуэзец' (фонетические отличия может объяснять и посредничество

французского языка при заимствовании в русский – ср. фр. *génois* ‘генуэзец’, *неаполитанец* – с *napoletano*, диал. *napulitano* ‘неаполитанец’, *венецианец* – с *veneziano* ‘венецианец’, *итальянец* – с *italiano* ‘итальянец’.

На общем фоне выделяется словоформа *ошаченцы* (см. словосочетание *баденские ошаченцы* в приведенном выше фрагменте). Это уникальное употребление, не зафиксированное в НКРЯ нигде, кроме «Былого и дум». В качестве возможного производного нам удалось найти топоним *Ошац* (Oschatz, город на востоке Германии). Не исключено, что между этими двумя существительными в словообразовательной цепи должно находиться прилагательное *ошаченский* (также не отмечаемое НКРЯ). Обычно в русском языке от топонимов иноязычного происхождения, оканчивающихся на *-ц*, формируются прилагательные на *-ск(ий)*, *-цк(ий)*, типа *Пфальц* – *пфальцкий*, *Грац* – *грацкий* [11, с. 43-44]; однако здесь могло сказаться влияние словообразовательной модели, в которой задействован сложный суффикс *-енск-* (типа *зареченский*, *пензенский* и т.п.).

Еще одно уникальное образование Герцена – слово *шателец*: – *Знаете ли вы, – сказал он мне, – чем вы служили особенную популярность наших шательцев?* (А. И. Герцен. Былое и думы. 1862-1866. Часть пятая. Париж-Италия-Париж) [9]. Однако словообразовательные связи здесь более прозрачны, чем в предыдущем случае, поскольку существует несколько топонимов *Шатель* (Châtel) франкоязычного происхождения.

Семантические характеристики большинства указанных дериватов однотипны, поскольку все они называют жителей определенной местности или страны. Своеобразное исключение представляет собой существительное *богемец*, которое в узусе Герцена, его современников и предшественников может служить только наименованием жителя Чехии (Богемия – от немецкого *Böhmen*, от лат. *Boiohaemum*, *Bohemia*, устаревшее немецкое название Чехии). Однако в XX веке оно меняет соотношенность и начинает активно использоваться как наименование представителя богемы – художественной интеллигенции. Сравним:

Богемский синод, невзирая на дозволение, разорил множество протестантских храмов; а потом богемцы свергли с престола Фердинанда II... (И. Ф. Богданович. Письма. 1767-1800) [Там же];

Вошедши в беседку, мы и не заметили, что в углу ее притаился старый богемец с маленькою дочерью... (В. А. Жуковский. Путешествие по Саксонской Швейцарии. 1821) [Там же];

Католицизм, так мало свойственный славянскому гению, действует на него разрушительно: когда у богемцев не стало больше силы обороняться от католицизма, они сломились... (А. И. Герцен. Былое и думы. 1862-1866. Часть пятая. Париж-Италия-Париж) [Там же];

Какой же я был бы в противном случае богемец, чех сиречь? (И. С. Тургенев. Несчастная. 1881) [Там же].

С другой стороны:

В совершенно синей, ультрамариновой ночи черные тела пальм – совсем длинноволосые богемцы-художники (В. В. Маяковский. Мое открытие Америки. 1925-1926) [Там же];

Ведь в Москве живут все лучшие поэты, писатели и прочие богемцы, кроме Шолохова и Минчковского (С. Довлатов. Армейские письма к отцу // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба: сборник. 1962-1963) [Там же];

Он, инженер-электронщик по образованию, многие годы работал в редакции журнала «Вопросы философии», и его кругом были отнюдь не богемцы-литераторы, но – философы... (Н. Климонтович. Далее – везде. 2001) [Там же].

Можно добавить, что число употреблений данного образования в XX – начале XXI в. гораздо меньше, чем в начале XIX столетия, что объясняется, очевидно, переходом лексемы *богемец* в значении ‘житель Богемии, чех’ в разряд историзмов.

Интересен случай переносного употребления этнонима:

Как он умел сохранить естественность языка среди вычурных риториков, гасконцев революционной фразы? Это действительно задача (А. И. Герцен. Былое и думы. 1864. Часть шестая. Англия) [Там же].

Европейская литературная традиция приписывает уроженцам Гасконии такие качества, как яркий темперамент, ловкость, задиристость, склонность к хвастовству (ср. образы Сирано де Бержерака, д’Артаньяна), что отразилось и в словарной фиксации [4]. Очевидно, что в приведенном контексте Герцен имеет в виду не жителей Гасконии, а переносит общеизвестные качества гасконцев на современных ему ораторов, и этноним становится, таким образом, своеобразной иронической метафорой.

В «Былом и дум» также отмечается несколько случаев первого из фиксируемых НКРЯ употреблений катойконимов; это образования *севастополец* и *лиссабонец*, впоследствии вошедшие в активный словарь русского языка:

Кетчер был в своей стихии, шумел на банкетах в честь севастопольцев, обнимался с Погодиным и Кокоревым... (А. И. Герцен. Былое и думы. 1857. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород) [9];

Чего Цынский не добрал, то добавил частный пристав лиссабонцу, что и следовало ожидать... (А. И. Герцен. Былое и думы. 1854-1858. Часть вторая. Тюрьма и ссылка) [Там же].

Вторая отличительная черта «Былого и дум» как публицистического произведения – группа наименований последователей различных философских, религиозных и общественных течений. Часто эти имена образованы от имен собственных или фамилий: *гегельянец* (< Гегель), *вольтерианец* (< Вольтер), *федосеевец* (< Федосей < Феодосий), *петрашевец* (< Петрашевский) и т.п. Как и в случае с катойконимами, в их основе могут отражаться иноязычные элементы (ср. нем. *Hegelianer*, франц. *Voltairein*).

По данным НКРЯ, Герцен первым из русских писателей, в 1857 г., употребляет образование *гегельянец*, которое затем очень быстро вошло в русскоязычную публицистику:

Как такое воззрение ни было противоположно русскому духу, его, откровенно заблуждаясь, приняли наши московские гегельянцы (А. И. Герцен. Былое и думы. 1857. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород) [Там же].

Ср. более поздние употребления:

Поколение Рудиных – гегельянцы, заботившиеся только о том, чтобы в их идеях господствовала систематичность, а в их фразах – замысловатая таинственность... (Д. И. Писарев. Писемский, Тургенев и Гончаров. 1861) [Там же];

...большинство западников и славянофилов были гегельянцы (Д. Н. Овсянико-Куликовский. Психология русской интеллигенции. 1910) [Там же];

Вместе с Самариным, в это время тоже гегельянцем, Аксаков проповедует гегельянство в славянофильском его истолковании и применении (В. В. Зеньковский. История русской философии. 1948) [Там же];

Нетрудно понять, что это отнюдь не произвольный семантический каприз Гегеля и гегельянцев... (Э. В. Ильенков. Проблема идеального. Статья вторая // Вопросы философии. 1979. № 7) [Там же];

Более того, «ничего не даст нам и другой контекст»... ни западники со славянофилами, ни гегельянцы с шеллингианцами... (О. Балла. Еретик-ортодокс // Знание – сила. 2009) [Там же].

Кроме того, Герцен вводит в употребление образования *ультрагегельянец* и *ультраякобинец*. При этом первое осталось его уникальным окказионализмом, второе употреблялось исключительно редко. В НКРЯ кроме фиксации контекста из «Былого и думы» приведен лишь один фрагмент 1895 г.:

В начале 40-х годов они были в полном боевом порядке со своей легкой кавалерией под начальством Хомякова и чрезвычайно тяжелой пехотой Шевырева и Погодина, со своими застрельщиками, охотниками, ультраякобинцами... (В. Д. Смирнов. Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность. 1895) [Там же].

Поиск по интернет-сервису *Google Books* (<https://books.google.ru>) позволяет обнаружить еще одно употребление, более новое: *В результате в окружении Наполеона оказываются аристократ Талейран и бывший ультраякобинец Фуше* [15].

Отдельного комментария заслуживает графико-фонетическое варьирование *волтерианец/вольтерианец*. В подкорпусе «Былого и думы» зафиксировано по одному случаю употребления обоих вариантов:

...против самого кургана, откуда волтерианцы XII столетия бросили в реку чудотворную статую Перуна (А. И. Герцен. Былое и думы. 1857. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород) [9];

...состояла из канцелярии над начальством старого вольтерианца, остряка и болтуна и юмориста, вроде Куи – де-Санглена (А. И. Герцен. Былое и думы. 1853-1860. Часть первая. Детская и университет) [Там же].

Основной корпус НКРЯ фиксирует написание без мягкого знака в течение XIX века, причем лишь в 13 случаях. Написание с мягким знаком более частотно – 28 вхождений, при этом данный вариант употребляется и до 2000-х годов XX века. Также в основном корпусе НКРЯ представлены отсутствующие в «Былом и думах» варианты *вольтерьянец* (12 вхождений, с 1847 по 1891 гг.) и *вольтерьянец* (92 вхождения, с 1856 по 2011 гг.). Таким образом, можно заключить, что Герцен предпочитает написания иноязычной основы, которые в настоящее время уже не активны в узусе.

Интересно также и переносное употребление словоформы *волтерианцы* в первом из приведенных контекстов. «Волтерианцами XII столетия» автор называет противников языческого культа (согласно сообщениям древнерусских летописей, статуя Перуна была сброшена в Днепр по распоряжению киевского князя Владимира, принявшего христианство). Такое определение несет сильный иронический заряд, поскольку «настоящие» вольтерьянцы часто воспринимались как вольнодумцы, противники официальной христианской доктрины.

Анализ семантики и функционирования наиболее частотных образований на *-ец* со значением лица позволяет сделать следующие **выводы** в соответствии с поставленными задачами.

1. С точки зрения семантики в «Былом и думах» активны две группы образований со значением лица на *-ец*: это катойконимы типа *генуэзец, баденец, шателец* и наименования представителей общественно-политических, философских, религиозных течений, типа *гегельянец, петрашевец, федосеевец*. Данная тенденция связана с содержательной спецификой мемуарно-публицистической прозы. Корпусные данные показывают динамическое развитие в русском языке семантики существительного *богемец*. Имена на *-ец* могут употребляться Герценом в переносном значении (*гасконец, волтерианец*).

2. В обеих группах производных имен зафиксированы уникальные окказионализмы (*ошаченец, шателец, ультрагегельянец*), а также существительные, которые впервые употреблены именно Герценом (*лиссабонец, гегельянец, ультраякобинец*).

3. Среди образований на *-ец* зафиксированы устаревшие с точки зрения современной нормы варианты (*волтерианец/вольтерианец*).

Список источников

1. Алтай Б. Семантика и функционирование производных существительных в произведении А. И. Герцена «Былое и думы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1 (43). С. 6-12.
2. Богуславский М. В. Экзистенциальная педагогика А. И. Герцена (к 200-летию со дня рождения) // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). С. 62-77.
3. Волошина С. М. Автобиографическая публицистика второй трети XIX века: А. И. Герцен, В. С. Печерин, Н. П. Огарев: дисс. ... к. филол. н. М., 2013. 231 с.
4. Гасконец [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов. Происхождение, значение и описание слов. URL: <http://www.megaslov.ru/html/g/gaskonec.html> (дата обращения: 12.05.2018).
5. Гренье С. Г. Герценовские мотивы в «Докторе Живаго» // Пушкинские чтения – 2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XIX Международной научной конференции. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2014. С. 110-118.
6. Евлампиев И. И. А. Герцен и «неклассическая» концепция европейской истории // Философские науки. 2013. № 2. С. 35-45.

7. Кожурин А. Я. А. И. Герцен и русская традиция философии науки // Философия права. 2013. № 6 (61). С. 33-40.
8. Лебедева В. А. Образ театра в художественных мемуарах А. И. Герцена // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 3. С. 42-46.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.05.2018).
10. Николина Н. А. Типы и функции новообразований в прозе А. И. Герцена // Русский язык в школе. 2005. № 1. С. 72-77.
11. Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1994. 368 с.
12. Ситникова Е. В. Опыт изучения средствами контент-анализа речи, произнесенной А. И. Герценом при открытии Вятской публичной библиотеки 6 декабря 1837 г. // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 71-75.
13. Федотова А. А. А. И. Герцен и русская публицистика 1860-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1 (23). С. 115-120.
14. Чернышева А. Ю. Лингвокультурологический анализ автобиографического произведения А. И. Герцена «Былое и думы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 50-54.
15. Шимов Я. Владимир Наполеонович [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2000. 9 июня. URL: http://old.russ.ru/politics/articles/20000609_chimov.html (дата обращения: 14.05.2018).
16. Ширина Е. В. Текстологический анализ публицистического наследия А. И. Герцена: историко-филологический аспект исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2011. № 1. С. 219-225.
17. Kliger I. Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism // Slavic Review. 2011. Vol. 70. № 1. P. 45-66.

**DERIVATIVE SUBSTANTIVES ENDING IN *-ец* WITH THE MEANING OF A PERSON
IN A. I. HERZEN'S WORK "MY PAST AND THOUGHTS": STRUCTURE, SEMANTICS, FUNCTIONING**

Altai Beiza

*Kazan (Volga Region) Federal University
komohti_paci@hotmail.com*

The article discusses the structure and functioning of nouns with the suffix *-ец* in A. I. Herzen's work "My Past and Thoughts". The analysis of the semantics and contextual peculiarities of the functioning of nouns ending in *-ец* is conducted on the basis of the Russian National Corpus. It has been ascertained that ethnonyms, denonyms and names of persons belonging to socio-political or religious groups are the most frequent among them. At the same time, A. I. Herzen uses both words and occasionalisms new to his time and obsolete words from the point of view of the modern usage. The cases of metaphorical use are also recorded.

Key words and phrases: A. I. Herzen; "My Past and Thoughts"; suffixal nouns; structure; semantics; usage; functioning.

УДК 81.371

Дата поступления рукописи: 21.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.39>

*В статье рассматривается понятийная основа концепта «чужой» в исторических, этимологических и толковых словарях русского языка. Цель работы – проанализировать, как меняется представление носителей русского языка о «чужом» с XV в. по XXI в. На материалах словаря И. И. Срезневского, «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова и толковых словарей XX-XXI вв. автор рассматривает процесс сужения семантики анализируемого слова и отражение этого процесса в русской языковой картине мира. Полученные результаты показали, что многие лексические единицы с корнем *-чуж-*, активно употреблявшиеся носителями русского языка в XV-XVIII вв., в наше время потеряли свою актуальность.*

Ключевые слова и фразы: лексема; концепт; русская языковая картина мира; лексикографические источники; лексико-семантический вариант; словообразовательное гнездо; производные.

Бурдун Светлана Владимировна

*Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени А. К. Серова
010670@bk.ru*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧУЖОЙ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИНАМИКА И СТАТИКА**

Древнее базисное лингвокультурное противопоставление «свои – чужие», являясь «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [11, с. 126] и соотносится с такими «опозициями, как хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мёртвый, человеческий – нечеловеческий, внутренний – внешний» [6, с. 581], помогает человеку моделировать представление об окружающем мире и делить социальное пространство на «своё», знакомое, дискретное, уникальное и «чужое» – «мир неподвижный, статичный, плоский» [5, с. 55].

Ю. С. Степанов отмечает, что, «как и в других европейских и индоевропейских культурах, концепт “Чужой” и соответствующее слово в русском языке относятся к “не своему”, “постороннему”, “далёкому” в сфере народа, обычая или нрава» [11, с. 139]. В. В. Колесов, исследуя древнерусскую литературу, констатирует,